

которые попадались на прилавках книжных магазинов.

Мне также удалось в течение 60х и 70х годов собрать несколько полных комплектов. В те годы я проводил отпуска в автомобильных путешествиях по стране и не было ни одного города, в который я попадал, чтобы я не приложил определённых усилий в поисках томов Л. Н. Толстого. Как правило, эти тома были уже не на прилавках, а на запасных хранилищах книготорговых организаций. Так, я помню удачные находки в Пятигорске, Уфе, Гродно, Минске, Гусь-Хрустальном, Рязани. Разумеется, эти находки касались выпуска послевоенных томов, а довоенные попадались реже, помню покупку таких томов в Тбилиси, Харькове и ряде других городов. Средства, которые мне достались в результате этого старательства, я другого слова для характеристики этой работы не нахожу, были направлены на пополнение моей библиотеки. Один из собранных комплектов хранится у меня. Конечно, его сохранность ничего общего с тем первым экземпляром, который был у меня в руках, не имеет.

Кстати, Илья Самойлович Зильберштейн, приобретший у меня уникальный экземпляр собрания Л. Н. Толстого, в Лондон его не отправил. В последующие мои визиты в его гостеприимный дом я неоднократно видел столь неосмотрительно отданный мной, слава Богу, хоть в хорошие руки, единственный в своём роде по сохранности комплект.

Возвращаясь к судьбе собрания И. П. Шайкина, хочу сказать, что, видимо, рассказанная о Толстом

история повлияла на решение вдовы распродать его библиотеку помимо моего участия, к величайшему моему сожалению.

Чемпионат мира по хоккею

Весной 1967 года мне представилась возможность поехать в заграничную туристическую поездку. Да не какую-нибудь, а на первенство мира по хоккею, которое проводилось в Вене. Это было большое счастье, потому что тогда заграничный туризм был, наверное, в десятки тысяч раз менее развитым, чем сейчас, когда я пишу эти строки в 2004 году.

Организовывали заграничные туристические поездки профсоюзные организации (в смысле подбора состава групп), и единственное агентство в стране — «Интурист» и поныне здравствующее.

Я был в то время отчаянным болельщиком, болел за хоккейную команду ЦСКА и, конечно, за сборную страны, состав которой был почти адекватен любимой команде. Мне повезло, с помощью друзей я был включён в число болельщиков, которым была оказана честь поддерживать нашу команду на трибунах. Было нас несколько сот человек, разбитых на несколько групп. К моему величайшему удивлению я попал в весьма элитную группу. Достаточно перечислить лишь несколько человек, бывших в её составе: артисты Игорь Ильинский, Вячеслав Тихонов, Николай Рыбников, кинорежиссёр Станислав Ростоцкий, спортсмены чемпион мира по шахматам

Тигран Петросян, гроссмейстер Сало Флор, лучший советский хоккеист и футболист (по моему мнению) Всеволод Бобров и ряд других известных людей. А когда мне выпала «честь» сидеть за одним столом с самим Бобровым, то моему болельщицкому счастью не было предела.

Будучи в восторге от встречи с этими людьми и Веной, не сомневаясь в успехе нашей сборной, я совсем позабыл, что нас предупреждали о том, что в каждой группе имеется сотрудник КГБ (Комитета государственной безопасности), чтобы следить за нашим поведением за границей. Поэтому, во время первой же прогулки по венским улицам в группе из четырёх-пяти человек, я сумел затащить всех не в кафе, не в парк, а ... в книжный магазин. Рассматривая книги в магазине, которые, естественно, были на немецком языке, я спросил, а есть ли книги на русском языке.

Конечно, в этот момент я думал о старых русских книгах, которые могли какими-то судьбами попасть в Вену, город, куда русские до революции ездили всегда охотно. У меня и в мыслях не было, да я просто и не знал, что на русском языке выпускалась эмигрантская и диссидентская литература. К счастью мне ответили, что русских книг нет. И мы пошли дальше, но по дороге один из наших попутчиков начал задавать мне вопросы, какими книгами я интересуюсь. Объясняя ему то, что я написал чуть ранее, я вдруг понял, что этот человек как раз тот, о котором меня предупреждали, и, перекинувшись с ним ещё несколькими словами, замолк. В дальнейшем наш режим был более свободным, и я имел возможность заходить в

книжные магазины в одиночку, но искомым старых русских книг так и не нашёл. Купил лишь два небольших альбома с прекрасно выполненными иллюстрациями с картин французских импрессионистов Дега и Сера, один из которых мне и сейчас напоминает о той поездке.

Наша сборная стала в очередной раз чемпионом мира, и мы, довольные проведённым временем, вернулись. Это и могло быть концом книжной венской истории. К сожалению, это было не так.

На следующий год чемпионат мира проводился в Швейцарии, и так как я уже знал дорогу как попасть в состав группы поддержки команды, а поехать страсть как хотелось, то я добился включения меня в группу на уровне профсоюзной организации, оплатил поездку и уверенно ждал даты отъезда. Однако, за два дня до неё, мне позвонили и сказали, что работники КГБ меня вычеркнули из списка. Я в то время был довольно крупным начальником в Главмосавтотрансе (основной автотранспортной организации города), в силу служебного положения имел допуск к секретной работе, т. е. проверенный правоохранительными органами (и не однажды; раньше, чтобы прописаться на ул. Кирова, ныне Мясницкой, требовалось согласие КГБ, так как улица считалась магистральной, и по ней могло проехать какое-нибудь сверххраняемое лицо), не мог понять, за что. Я тут же отправился к своему начальнику Главка, он позвонил при мне секретарю горкома КПСС, которая была председателем Московской выездной комиссии, рассказал ей ситуацию и попросил изменить решение. Она в этот

момент ещё временно замещала должность первого секретаря горкома, т. е. была полновластной, обещала разобраться, попросив написать, что он говорил, в письме. Письмо тут же было написано и отправлено курьером.

На другой день мой начальник опять позвонил секретарю горкома, она ответила, что поручила рассмотреть срочно соответствующий отдел, но какая-то трудность существует. Из профсоюзной организации мне звонят, я отвечаю: «Всё будет в порядке». Мне говорят: «Завтра отлёт утром». Отвечаю, что знаю. До позднего вечера ждал я положительного ответа, и только на следующее утро, примерно через полчаса после отлёта самолёта, мне позвонили, что дают добро. Самолёт так и улетел со свободным креслом, и группа поддержки уменьшилась на одного человека, что не помешало нашей команде стать опять чемпионом мира. Мне же потом знакомые работники горкома рассказали, что секретарю горкома — председателю выездной комиссии — противостоял простой инструктор соответствующего отдела; будучи одновременно работником КГБ, он располагал докладной запиской своего коллеги, который в прошлом году сопровождал группу, написав, что я интересовался книгами на русском языке.

Письма Белинского

История, которую я хочу рассказать, удивительна даже среди самых необычайных книжных находок.

Вся романтика книжного собирательства как бы сфокусировалась в ней.

Если бы меня спросили, кем бы я хотел стать, начав жизнь вновь, я бы ответил, что стал бы букинистом. Эта профессия, по моему мнению, одна из наиболее романтических, ты всё время находишься в режиме поиска.

Можно искать грибы, ловить рыбу, охотиться, искать счастья в карточной игре, участвовать в различных лотереях, то есть создавать в своей жизни условия для поиска удачи в той или иной её стороне. Если же ты профессиональный букинист, то вся твоя работа — это поиск, ты ищешь редкие книги, отдельные тома собраний, другие печатные издания, с волнением ждёшь встречи с каждым, кто приносит продавать старые книги, ты ведь ещё не знаешь, что тебе сейчас предложат, какая встреча ждёт тебя. И это всё твоя работа, твоя повседневная жизнь!

И при этом непрестанно учишься. Лучших университетов, наверное, не существует для человека, желающего знать как можно больше, как можно шире. Недаром хороший букинист — желанный друг, товарищ, партнёр, приятель, собеседник, собутыльник, но я слишком увлёкся.

То, что я написал, напомнило мне одно из писем В. Г. Белинского своему другу В. П. Боткину, в котором он после своего переезда из Москвы в Петербург описывал свои впечатления о посещении публичного дома. Сравнивая достоинства и недостатки двух жриц любви, молодой русской, и в более поздних годах немки, пришёл к выводу, что немка поопытнее и это